

М. В. ГРИБОВСКИЙ

ПРОФЕССОРСКИЙ ГОНОРАР КАК ЗЕРКАЛО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВОПРОСА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Статья посвящена феномену гонорара, получаемого за службу профессорами российских университетов в конце XIX – начале XX в. Гонорарная система, введенная уставом 1884 г., рассматривается как элемент университетской жизни, в котором нашли отражение такие составляющие “университетского вопроса”, как материальный достаток профессуры, отношения преподавателей со студентами и внутри преподавательского коллектива, вопросы университетской корпоративной этики. Приведены данные о размерах гонорара; осуществлен обзор мнений профессоров, чиновников от образования, современников о преимуществах и недостатках гонорарной системы. Автор приходит к выводу, что гонорарная система и дискуссии вокруг неё демонстрировали кризис, переживаемый российскими университетами на рубеже XIX–XX вв., а само нововведение оказалось неэффективным.

Ключевые слова: гонорарная система, университет, профессора, приват-доценты, студенты, «университетский вопрос», материальный достаток

Университет называют «государством в государстве», подчеркивая таким образом наличие внутри университетских стен собственных «правил игры», отличающих его от внешнего мира. Жизнь университета в дореволюционной России регламентировалась Уставами, которые за XIX в. сменились четыре раза. Последний устав императорских университетов был принят в 1884 г. Среди новшеств, внесенных им в университетскую жизнь, была гонорарная система, феномену которой посвящена настоящая статья¹. Актуальность теме придает то, что поиск форм и способов материального стимулирования преподавательского труда – вневременная проблема, а исторический опыт столетней давности может быть с пользой учтен и в наши дни.

В результате введения гонорарной системы преподаватели, помимо жалования из казны, стали получать дополнительные выплаты из сумм, вносимых студентами в университетскую казну за слушание лекций. Считалось, что тот преподаватель, который лучше преподает, будет иметь больше слушателей и, соответственно, больший гонорар.

Просуществовавшая с середины 1880-х гг. и до кануна Февральской революции гонорарная система не переставала быть камнем преткновения в деле нормализации университетской жизни. В гонораре как зеркале отображались многие аспекты «университетского вопроса»,

---

¹ Специального обращения к данной теме не зафиксировано, хотя она так или иначе затрагивается в историографии университетской жизни конца XIX – начала XX в.: Дмитриев 2013; Новиков, Перфилова 2015; Ростовцев 2017. Т. 1. С. 130–137.

такие как материальный достаток профессуры, отношения между преподавателями и студентами, взаимоотношения внутри преподавательского коллектива, вопросы морали и корпоративной этики в университетской среде и даже межнациональные отношения.

Роль гонорара в материальном достатке профессуры

В соответствии со штатами, предусмотренными университетским уставом 1884 г., размер оклада профессоров не был изменен, он остался таким же, каким был установлен двумя десятилетиями ранее, уставом 1863 г.: годовое содержание ординарных профессоров равнялось 3 000 руб., экстраординарных – 2 000 руб., лекторов – 1 000 руб. (исключением был Томский университет (ИТУ), где с учетом сибирских условий для профессоров было установлено полуторное содержание). Но при этом несомненным новшеством в деле материального обеспечения университетской профессуры стало внедрение гонорара. Суммы, получаемые с гонорара, были весьма разнообразны. Приведем обнаруженные нами данные по различным университетам за разные годы.

Полную картину о размере и распределении гонорара в начале изучаемого периода в отдельно взятом университете дает Ведомость о размере гонорара, выплаченного в 1886 г. в Казанском университете (ИКУ), согласно которой на историко-филологическом факультете гонорар получили 17 чел., в среднем – чуть более 80 руб. на человека; кроме профессоров Д.И. Нагуевского (271 руб.) и Д.Ф. Беляева (259 руб.) никто не получил более 200 руб. На физико-математическом факультете гонорар получили 27 чел., в среднем – чуть более чем по 130 руб. на человека. Максимальные суммы были выплачены профессорам А.В. Васильеву (511 руб.) и Ф.М. Суворову (399 руб.). На медицинском факультете гонорар получили 45 чел., в среднем – ок. 292 руб. на человека. Больше всех получили профессора Д.С. Ермолаев (1183 руб.) и В.О. Подвысоцкий (889 руб.). На юридическом факультете гонорар получили 14 профессоров и приват-доцентов – чуть более 497 руб. на человека. Самые большие суммы получили профессор Н.П. Загоскин (1577 руб.) и Я.Е. Степанов (919 руб.). Меньше всех получали лекторы иностранных языков и приват-доценты. Всего в университете в 1886 г. гонорар получили 103 преподавателя, в среднем – по 242,5 руб. на человека. При этом: 33 чел. получили менее 50 руб., 7 чел. – от 50 до 100 руб., 21 чел. – от 100 до 200 руб., 10 чел. – от 200 до 300 руб., 11 чел. – от 300 до 400 руб., 6 чел. – от 400 до 500 руб., 5 чел. – от 500 до 600 руб., 3 чел. – от 600 до 700 руб., 3 чел. – от 700 до 800 руб., по 1 чел. – от 800 до 900, от 900 до 1000 и от 1000 до 1500 руб.; 1 чел. – свыше 1500 руб.²

В РГИА, в фонде Министерства народного просвещения (МНП), сохранилась сводная ведомость о размере гонорара, полученного пре-

² НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 7784. Л. 3 – 4 об.

подавателями четырех университетов Харьковского (ИХУ), Святого Владимира в Киеве (ИУСвВ), Новороссийского в Одессе (ИНУ) и ИКУ в 1887 г. Большими гонорарами отличились профессора ИУСвВ. Гонорар девятнадцати профессоров превысил 1000 руб., при этом девять из них были представителями медицинского факультета, пятеро – юридического, четверо – физико-математического и только один – историко-филологического. Наименьшие гонорары были зафиксированы в ИНУ, где профессоров, получивших свыше 1 000 руб., было только двое – Ф.И. Леонтович (1324 руб.) и И.Г. Табашников (1123 руб.)³.

В НАРТ сохранились сводные данные о том, каков был размер гонорара у 25 преподавателей историко-филологического факультета ИКУ за шесть лет: с 1892 г. по 1897 г. Из сводной таблицы видно, что в этот период регулярно – каждый семестр – небольшой гонорар (40–80 руб. в год) получала примерно половина преподавателей; вторая половина получала его нерегулярно и в еще меньшем размере⁴.

В ИТУ в 1895/1896 учебном году сумма гонораров, составившая 13215 руб., была распределена между 26 профессорами и преподавателями. Выплаты были весьма неравномерными. 17 чел. получили сумму, не превышавшую 500 руб. Самые большие суммы получили профессора Н.М. Малиев (1988 руб. 25 коп.), Е.В. Вернер (1420 руб. 50 коп.), Н.Ф. Кашенко (1040 руб. 25 коп.)⁵. На следующий год лидерами были Ф.Я. Капустин (1712 руб. 39 коп.), Е.В. Вернер (1494 руб. 97 коп.), И.С. Павловский (1335 руб. 30 коп.), А.Е. Смирнов (1025 руб. 20 коп.), получившие свыше 1000 руб. за учебный год, средняя же выплата составила 596 руб. (при 24 получателях)⁶.

В.А. Мякотин в статье «К вопросу о профессорском гонораре» привел подробные сведения о размере гонорара, полученного разными категориями преподавателей Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ) в 1896 г. Эти данные обобщены в следующей таблице:

Размер гонорара, руб.	Профессора	Приват-доценты, получающие содержание	Приват-доценты, не получающие содержание	Число преподавателей, получающих гонорар	% от общего числа преподавателей
1–249	23	25	41	89	59,1
250–499	11	5	нет	16	10,6
500–999	10	2	2	14	9,3
1 000–1 499	6	1	3	10	6,6
1 500–1 999	4	1	нет	5	3,3

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 150(1888). Д. 188. Л. 59–70.

⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 9–12.

⁵ Отчет о состоянии ИТУ за 1895 год. Томск, 1896. С. 113.

⁶ Отчет о состоянии ИТУ за 1896 год. Томск, 1897. С. 139.

2 000–2 499	2	1	нет	3	2
2 500–2 999	6	нет	1	7	4,6
3 000–3 499	нет	1	нет	1	0,6
3 500–3 999	нет	нет	1	1	0,6
4 000–6 000	5	нет	нет	5	3,3
Итого	67	36	48	151	100

Факультеты ИСПБУ размещались по мере уменьшения получаемого гонорара таким образом: юридический, физико-математический, историко-филологический, факультет восточных языков. Важно отметить, что, если среди профессоров лиц, получавших самый небольшой гонорар (до 250 руб.), было 34 %, то среди приват-доцентов с содержанием таких было 69 %, а среди приват-доцентов без постоянного содержания – уже 85 %. И наоборот, крупные гонорары (свыше 2000 руб.) выплачивались почти исключительно профессорам⁷.

В том же 1896 г., профессора Московского университета (ИМУ) получили гонорар на общую сумму 129744 руб. Учитывая, что профессоров, получавших гонорар, было 90, в среднем – по 1442 руб. на человека. При детализации можно обнаружить следующую картину: не получали гонорар – 3 чел., получили менее 100 руб. – 8 чел., от 100 до 299 руб. – 13 чел., от 300 до 499 руб. – 11 чел., от 500 до 999 руб. – 10 чел., от 1000 до 1499 руб. – 12 чел., от 1500 до 1999 руб. – 12 чел., от 2000 до 2999 руб. – 10 чел., более 3000 руб. – 14 чел. Представляет интерес и иная статистика, касающаяся 93-х московских профессоров (с учетом троих, не получавших гонорар). 67 из них были штатными преподавателями – на их долю пришлось 110000 руб. гонорара; 17 чел., вышедших из штата за выслугу лет, получили 16863 руб.; 9 (1 юрист и 8 медиков) были сверхштатными профессорами без оклада, при этом один юрист получил 3086 руб., а восемь медиков – 970 руб. на всех⁸.

Спустя годы картина будет оставаться примерно такой же. В 1910 г. в ИСПБУ гонорар получили 50 профессоров и приват-доцентов. Самые маленькие гонорары были по-прежнему у преподавателей факультета восточных языков: здесь только лектор А.А. Ларонд получил свыше 200 руб. за год. Самые солидные суммы зафиксированы на юридическом факультете: у десяти профессоров размер гонорара варьировался от 3661 руб. (И.И. Кауфман) до 11680 руб. (М.Я. Пергамент; около 10000 руб. получили еще три профессора). На физико-математическом факультете средний гонорар в этот год немного превысил 2400 руб., а вот на медицинском был равен только 663 руб.⁹ В предреволюционном 1916 г. в ИХУ на историко-филологическом факультете

⁷ Мякотин 1897. С. 84.

⁸ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 15 об.

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 603. Л. 18 – 18 об.

гонорар получили 17 преподавателей в размере от 10 до 600 руб. (по 298 руб. в среднем), на юридическом – 13 преподавателей – от 1424 до 4078 руб. (в среднем по 2871 руб.), на физико-математическом – 23 преподавателя – от 32 до 3266 руб. (по 1062 руб. в среднем), на медицинском – 25 чел. – от 567 до 5 671 руб. (по 1 534 руб. в среднем)¹⁰.

Итак, самые большие гонорары, доходившие до нескольких тысяч руб. в год и потому сопоставимые с размером оклада (а то и превышавшие его), были у профессоров ИМУ и ИСПБУ в силу большого числа студентов (третьим по численности был ИУСвВ, прочие университеты заметно отставали от этой тройки). Редкими, но все же не уникальными были случаи, когда гонорар отдельных профессоров превышал 10000 руб. в год¹¹. Однако и в столичных вузах наблюдалась серьезная разница в размерах гонораров отдельных преподавателей, вытекавшая из наличия «многолюдных» (в первую очередь, юридический) и «малоллюдных» (историко-филологический) факультетов.

Неравномерность гонорара станет предметом перманентной дискуссии в университетских кругах. Правительственное решение по смягчению неравенства будет принято лишь в 1909 г., когда стало действовать правило, по которому профессора, чей гонорар был ниже 1000 руб. в год, получали 20-процентную прибавку к жалованию¹². Это правило касалось весьма значительной части преподавателей, ведь, как указывалось выше, солидными гонорарами могли похвастаться преимущественно профессора столичных университетов, в то время как, например, в ИНУ в 1904 г. насчитывалось только 13 чел., получивших свыше 1 000 руб. гонорара¹³. В силу того, что 20-процентная надбавка зависела от того, был ли гонорар меньше 1000 руб. в течение всего года, исчисление этой надбавки порой встречало затруднения. Так, в 1908 г. правление ИНУ и Одесского учебного округа затруднялось решить вопрос о надбавке профессорам И.М. Занчевскому и С.В. Васьковскому, которые в весеннем полугодии получили примерно 900 руб. гонорара, а в осеннем полугодии не читали лекций, так как были отстранены от преподавания Одесским генерал-губернатором. Аналогичное затруднение коснулось профессора В.А. Косинского, который в середине года перевелся из ИНУ в Киевский политехнический институт¹⁴. Правило о такой надбавке не распространялось на профессоров и преподавателей

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 20 – 21 об.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 603. Л. 36.

¹² При этом в расчет брался только гонорар, полученный за чтение обязательных лекций по занимаемой кафедре, гонорар, полученный за чтение необязательных лекций, не учитывался.

¹³ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 431. Л. 9 – 9 об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 497. Л. 6 об., 7. Во всех этих случаях министерством в надбавке было отказано: Там же. Л. 6 об., 19.

ИТУ и Варшавского университета (ИВУ)¹⁵, так как в них существовали иные принципы увеличения базовой суммы жалования.

Из гонорара удерживались суммы за пропущенные без уважительных причин лекции. С таким предложением впервые в июне 1887 г. обратился в МНП попечитель Киевского учебного округа С.П. Голубцов¹⁶. Уже в июле МНП просило попечителей прочих учебных округов высказать свое мнение по поводу этого предложения¹⁷. Попечитель Московского учебного округа П.А. Капнист возражал, полагая, что эта мера «нанесет вред, усложнит и без того сложные обязанности ректора и внесет в среду университета элемент раздора и пререканий»¹⁸. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа И.П. Новиков предупреждал: «если бы такая мера и была введена в употребление, то она послужила бы, скорее, ко вреду, чем к пользе учебного дела, так как подобное взыскание не только неминуемо повлекло бы за собой ослабление нравственной ответственности преподавателей за пропущенные ими уроки, но даже в некоторой степени узаконило бы их»¹⁹. Попечитель Харьковского учебного округа Н.П. Воронцов-Вельяминов возражал против новшества²⁰. Одесский попечитель Х.П. Сольский признал меру целесообразной²¹. Из канцелярии Казанского учебного округа было заявлено, что предложенное «представляется мерой справедливой, но... может встретить затруднения в определении уважительности или неуважительности пропусков»²². Несмотря на неоднозначную оценку предложения попечителя Киевского учебного округа, практика удерживания суммы за пропущенные лекции была внедрена.

Влияние гонорарной системы на отношения преподавателей со студентами

Рубеж веков характеризовался весьма непростыми отношениями профессуры со студенчеством. Общим местом в рассуждениях современников об университетском вопросе был тезис об отчуждении учащихся и учащихся. В этой связи стоит заметить, что, при установлении гонорарной системы со стороны властных структур звучали, по выражению профессора ИМУ П.Г. Виноградова «самые смелые надежды». Так, ряд членов Государственного совета полагал, что «плата за учение в виде гонорара сразу установит нравственные и вполне добросовестные отношения между ними [профессорами и студентами – М.Г.] на

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 91 – 91 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 1.

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 7.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 8 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 11 об. – 12.

²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 15.

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 9 об.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 10 об.

почве науки. Студенты, записываясь на лекции профессора и при этом взнося причитающиеся именно за эти лекции деньги, тем самым будут заявлять свою надежду наилучше у него научиться; профессор же, естественно, будет прилагать все усилия сколь можно полнее оправдать возложенные на него надежды»²³. Однако, практика оказалась иной.

Довольно часто студенты записывались к одним преподавателям, посещали занятия других, и речь не шла о преднамеренном обмане: уплатив гонорарный взнос, студенты считали себя вправе пользоваться всеми интеллектуальными возможностями университета²⁴. Бывший студент историко-филологического факультета ИСПБУ С.А. Жебелев вспоминал: «Позже – должен покаяться – я, по указанию самих же профессоров, записывался только на обязательные лекции, лекции же необязательные, т.е. выходящие за пределы 18-часовой нормы, продолжал слушать в достаточном количестве, но в записи не помечал, иными словами гонорара за них не платил»²⁵. В свою очередь, профессор ИУСВВ Ю.А. Кулаковский отмечал: «Что же касается до преподавателя, то невозможно предположить, и конечно, не было случая, чтобы он сам в аудитории проверял права студентов его слушать, осведомляясь у них, заплатили ли они за его курс, а затем устранял из аудитории тех, кто не заплатил»²⁶.

Надо признать, что надежды членов Госсовета не оправдывались. Приведем несколько типичных мнений университетских преподавателей о влиянии гонорарной системы на их отношения со студентами. П.Г. Виноградов красноречиво называл гонорар «оброчной повинностью слушателей в пользу профессоров»²⁷. Эта хлесткая фраза была призвана подчеркнуть тяжесть гонорара для студенческого (родительского) бюджета²⁸. Чаше подчеркивался иной аспект влияния гонорара. Профессор медицинского факультета ИКУ А.Я. Щербаков утверждал:

«мало [...] повышая материального благосостояния профессоров, гонорар в то же время приносит весьма большой вред в педагогическом отношении, делая преподавателей наемщиками, а студентов нанимателями. Когда, до учреждения гонорара, профессоры не находились ни в какой материальной зависимости от студентов, и эти последние знали в своих преподавателях только лиц, по собственному призванию ведущих курс того или

²³ Цит. по: Виноградов 2008. С. 115.

²⁴ Новиков, Перфилова 2015. С. 94.

²⁵ Жебелев 1963. С. 179.

²⁶ Кулаковский 1897. С. 42.

²⁷ Виноградов 2008. С. 116.

²⁸ Размер суммы, вносимой студентами за слушание лекций «в пользу отдельных преподавателей», исчислялся по формуле: 1 руб. «за недельный час в полугодие», что означало примерно 50 руб. в год, помимо этого, аналогичную сумму студент уплачивал «в пользу университета». Итого – порядка 100 руб. в год.

другого предмета, тогда отношения были вполне нормальные: одни учили, другие учились. Но с учреждением гонорара [...] дело много изменилось к худшему. Взявши хотя небольшая, иногда ничтожные деньги за свой труд, профессор чувствует уже себя не совершенно свободно перед своими слушателями, а эти последние, заплативши из своих скудных, часто нищенских средств преподавателю, имеют право относиться и нередко фактически относятся к нему несколько свысока. Громко заявляются претензии, когда профессор по болезни или иным обстоятельствам позднее обыкновенного начинает или ранее обычного срока кончает свой курс, при чем дело иногда доходит до требования назад гонорарной платы. Но что хуже всего, это то, что, считая себя как бы хозяевами дела, студенты зачастую сами весьма не аккуратно посещают, а иногда задолго до срока вовсе перестают посещать лекции, особенно по тем предметам, по которым нет зачета полугодий или экзамена, и всем этим лишают преподавателя возможности успешно и правильно вести дело преподавания»²⁹ (1897 г.).

Попечитель Одесского учебного округа Х.П. Сольский в апреле 1899 г. обратился к профессорам, лекторам и приват-доцентам ИНУ с просьбой в недельный срок письменно представить соображения о причинах студенческих волнений и мерах по их устранению. Многие преподаватели в качестве необходимой для сближения со студентами меры предлагали отменить гонорарную систему. Приведем их суждения.

Профессор по кафедре уголовного судопроизводства В.Н. Палаузов: «На преподавателей университета студенты нередко смотрят, не как на своих учителей, а как на лиц, которым они могут большим или меньшим многолюдством аудитории создать ту или другую репутацию. Иногда – к счастью очень редко – студенты смотрят на свои отношения к профессорам, как на такие, которые благодаря уплаченному ими гонорару, подходят под тип личного найма»³⁰. Лектор французского языка А.А. Шапеллон: «Система же гонорара ставит профессора в ложное отношение со студентом: студенты привыкают смотреть на своих профессоров как на чиновников, которые за какую-то плату должны прочесть в семестр столько-то лекций по такой-то программе. Такие денежные отношения подрывают авторитет профессора и уничтожают ту умственную связь, то нравственное единение, то глубокое почтение и ту живую симпатию, которые всегда служат важнейшим стимулом и вызывают подъем духа как среди профессоров, так и их слушателей»³¹. Несколько более радикально высказался и д. экстраординарного профессора по кафедре физики Н.Д. Пильчиков: «Волнения исчезли бы, если бы возросло доверие студентов к своим профессорам, для чего необходимо, чтобы профессор занимали должность в университете по избранию и приглашению самого университета и чтобы была уничтожена система гонорара; если бы возросло уважение к университетскому начальству, что возможно лишь при восстановлении выборного начала»³².

²⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 21 об. – 22

³⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 28 – 28 об.

³¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 83 об. См. также: Там же. Л. 90–92, 102.

³² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 25.

На то, что мысли А.Я. Щербакова, В.Н. Палаузова, А.А. Шapelлона имели под собой основания, среди прочего указывает весьма резкое заявление со стороны студентов ИМУ последовавшее за разогнанным полицией с привлечением казаков выступлением 9 февраля 1902 г. Участники выступления были возмущены тем, что профессора не вступились за них. В «Письме студентов к профессорам» читаем:

«Вы не только не выразили активного протеста, Вы оказались неспособными и на пассивный, и на следующий же день 10 февраля Вы явились на службу с обычным спокойствием. Стыдитесь. Мы не рассчитываем уже на чувство Вашего благородства. Того благородства, которое так тесно связано с понятием жреца науки: мы просто думаем, что Вы все же не лишены хотя бы примитивной порядочности и считаем себя заслуживающими Вашей защиты уже потому, что *несем для Вас в виде гонорара с трудом собранные крохи* [курсив мой – М.Г.]. Если и это для Вас пустые звуки, то между нами нет ничего общего, нам нужны профессора, а не лакеи, вызывающие лакомое блюдо, бросаемое правительством»³³.

То, что у студентов появилось формальное право попрекать профессоров гонорарам, воспринималось последними крайне болезненно.

Во время работы Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.) обсуждался и вопрос о «мерах для сближения профессоров со студентами». Профессор ИНУ А.Н. Деревницкий, проанализировав доклады по данному вопросу советов всех российских университетов, а также «особых мнений» отдельных профессоров и чиновников МНП, сделал вывод, что большинство советов главное препятствие к сближению профессоров и студентов усматривало в действовавшем университетском уставе, который «отстранил профессоров от прямого и непосредственного влияния на университетские дела и таким образом полагающего искусственную грань между ними и студентами»³⁴. К числу черт университетского строя, которые вызывают или поддерживают разъединение между профессорами и студентами, советы отнесли и гонорарную систему, так как «1) в редких случаях профессорской конкуренции он [гонорар – М.Г.] вовлекал и студентов в борьбу конкурирующих друг с другом профессоров, делая их судьями в этой борьбе и подрывая в них должное уважение к нравственному авторитету своих учителей; 2) слагаясь в весьма значительной своей части из сумм, уплачиваемых благотворительными учреждениями или вносимых отдельными жертвователями, гонорар ставит профессора в унижительное положение в глазах общества и студентов»³⁵. В заключении доклада А.Н. Деревницкий перечислил меры, предложенные сове-

³³ Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 331. k. 333.

³⁴ Труды Высочайше утвержденной комиссии... С. 293.

³⁵ Там же. С. 295.

тами университетов, для сближения профессоров и студентов; среди них, разумеется, значилась и отмена гонорара³⁶.

В дискуссии вокруг гонорарной системы нашел отражение и национальный вопрос, остро стоявший в начале XX в., особенно на западных окраинах империи. В декабре 1884 г. ректор ИВУ Н.А. Лавровский предостерегал министра народного просвещения И.Д. Делянова от распространения на названный университет ряда норм нового Устава:

«Система же гонорара и тесно связанный с ней институт приват-доцентов, по соображению местных условий, решительно не применимы к Варшавскому университету. Нет сомнения, что вслед за открытием свободного доступа к приват-доцентуре для окончивших курс в Варшавском университете, этот институт будет переполнен лицами польского происхождения, которые откроют всевозможные курсы, параллельные курсам русских профессоров, – и можно с решительной уверенностью утверждать, что аудитории польских приват-доцентов и профессоров будут переполнены, а русских профессоров пусты, как бы ни ничтожны были курсы первых и как бы ни высоко было научное достоинство последних. Кроме того, едва ли желательно устанавливать здесь денежную зависимость русского преподавателя от польско-еврейской аудитории»³⁷.

Впрочем, опасения ректора оказались напрасны. Общеуниверситетский устав на ИВУ распространен не был, и здесь, в отличие от остальных университетов империи, сохранилась штатная доцентура³⁸.

Несмотря на все выше сказанное, необходимо заметить, что гонорар гипотетически мог быть не только поводом для разобнения студентов и преподавателей. Интересный в этом отношении прецедент произошел в ИТУ в год его открытия (1888): свой первый гонорар за полугодие в совокупном размере 1215 р. профессора отдали на благотворительные цели в пользу студентов – на нужды дома общежития³⁹. Это был действительно символический жест – всё то, что получено непосредственно от студентов вернуть им же в виде благотворительных пожертвований. В последующем этот опыт, однако, не был закреплён, так и оставшись единичным случаем.

Влияние гонорарной системы на взаимоотношения внутри преподавательского коллектива

Как уже видно по выше приведенным суждениям, большая часть университетского преподавательского сообщества весьма скептически отнеслась к введению гонорарной системы с точки зрения влияния на студенчество. Если обобщить мнения критиков нововведения, то можно выделить еще несколько основных претензий к гонорару.

---

³⁶ Там же. С. 297–300.

³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 882. Л. 5.

³⁸ Приват-доцентура была разрешена в 1899 г., правда, ненадолго, до 1909 г.).

³⁹ Известия ИТУ. Книга первая. Томск, 1889. [пагин. 1-я]. С. 66.

Пожалуй, ключевой претензией было *несоответствие отечественных реалий западноевропейским*, откуда была заимствована идея гонорара. Авторы доклада о гонораре на физико-математическом факультете ИКУ (1897 г.) заявляли, что гонорарная система

«не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий, так как она совершенно не соответствует строю жизни русских университетов. За границей, откуда она была заимствована, при господствующей там свободе преподавания и свободе слушания, а также при густой сети университетов, она в значительной степени достигает своей цели вознаграждать в большем размере ученые заслуги и преподавательские таланты. В русских же университетах, где переходы студентов из одного университета в другой обставлены различными формальностями, где преподавание наук и слушание их строго регламентируется учебными планами и обзорами преподавания, с точным обозначением в них порядка прохождения студентами наук того или другого факультета, с точным определением числа часов лекций и практических занятий, на которые студент обязательно должен записаться, со внесением соответствующей за слушание их платы, эта система получила совершенно своеобразный смысл и значение. Вместо справедливого поощрения талантов и учености, она явилась средством усиленного вознаграждения преподавателей некоторых наук, совершенно независимо от их талантливости и ученых заслуг, а только потому, что по действующим правилам, известной науке и в известном семестре приурочено определенное количество часов лекций, на которые студент обязан записаться»⁴⁰.

Докладу казанских физиков и математиков вторил доклад историко-филологического факультета ИМУ (1897 г.):

«не столько неравномерность гонорара, получаемого отдельными профессорами, представляется ненормальным явлением, сколько сама система гонорара, т.е. вознаграждение профессоров по числу слушателей при *обязательности* лекций. При обязательности для студента учебного плана, вносимый им гонорар не есть плата, которую он желает *почтить* труд избранного им преподавателя, а доход профессора, зависящий от того, на каком факультете и курсе ему приходится читать»⁴¹.

Развивая тему различий, приведем и рассуждения профессора медицинского факультета ИКУ К.А. Арнштейна, который писал:

«В Германии, по примеру которой у нас введен гонорар, служебные условия совершенно иные. Там профессора начинают службу в маленьком университете и переходят в более крупный и наконец в столичный университет, где число слушателей очень значительное. Это движение по службе всецело зависит от научного рвения и педагогических способностей профессоров. Возможность перейти в другой Университет и затем улучшить свое материальное положение служит стимулом для преподавателей. Они сохраняют энергию не только из любви к науке или из тщеславия, но и удовлетворяют научной работой возрастающие потребности семьи. Ни-

⁴⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 17 – 17 об.

⁴¹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 14.

чего подобного у нас нет. В русских столичных университетах нередко получают кафедры молодые учение неуспевшие еще проявить в достаточной степени своих педагогических способностей своего научного рвення, между тем как в провинциальных университетах достаточно опытных педагогов и талантливых профессоров с научным именем вполне достойных занять кафедру в столичном университете с повышенным окладом»⁴².

Другим элементом гонорарной системы, вызывавшим острейшее недовольство абсолютного большинства профессуры, было уже упомянутое *несправедливое распределение* гонорара.

В.А. Мякотин писал: «Самый талантливый профессор, читающий необязательный курс, или даже обязательный, но на малолюдном факультете, получит ничтожный гонорар, и, наоборот, бездарный лектор на многолюдном факультете, видя перед собой почти пустую аудиторию, будет все же получать значительную сумму гонорара, если его курс обязателен для студентов»⁴³. А профессор ИУСвВ Ю.А. Кулаковский рассуждал следующим образом: «Специальный ученый курс профессора, раз он не обязателен, может не дать ему никакого гонорара, или самый ничтожный, даже на многолюдном факультете; а тот обязательный курс, который он повторяет, из года в год, и который от него не требует усиленной работы над приготовлением каждой лекции, будет оплачен огромным гонораром, хотя бы из 300 обязательных слушателей у него оказывалось их в аудитории 15, 10, а то и 2 человека [...] Если гонорар имел целью увеличить вознаграждение профессоров за труд, который они несут по обязанностям своей службы, то неравномерность в распределении гонорара между отдельными профессорами есть прямое обличение несостоятельности этого учреждения»⁴⁴.

Совет ИХУ высказался в 1897 г. о гонораре так: «ничтожный по своим размерам в среднем, он в то же время колеблется в таких широких пределах, что доход преподавательского персонала, им обуславливаемый, может быть уподоблен доходу от игры и случайностям её подвергается такой служебный персонал Государства, который, казалось бы имеет наибольшее право рассчитывать на прочное и постоянное обеспечение»⁴⁵. Спустя 10 лет, в 1907 г., профессор медицинского факультета ИУСвВ С.И. Чирьев выразил схожую мысль:

«Гонорар отнюдь не улучшил профессорский персонал..., а ввел только в высшей степени несправедливую расценку труда. [...] Какой-нибудь более чем посредственный профессор юридического факультета получает более 12 000 р. гонорара в год, и наряду с ним другой, выдающийся филолог или математик, получает буквально гроши. Это обыкновенно бывает известно и студентам и служит темой для их разговоров о барышниках-профессорах. К чему такая несправедливость!»⁴⁶.

---

⁴² НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 22 об. – 23.

⁴³ Мякотин 1897. [пагин. 2-я]. С. 79.

⁴⁴ Кулаковский 1897. С. 21–22.

⁴⁵ Доклад комиссии, избранной Советом... С. 11.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 130. Л. 8.

В целом, современники констатировали, что «система гонорара приносит наиболее выгод тем группам преподавателей, которые и без того обеспечены жалованием, и наименее служит интересам приват-доцентом, жалования не получающих»⁴⁷.

Наконец, еще один раздражающий аспект гонорарной системы вытекал из устойчивого представления о денежном вознаграждении профессоров непосредственно студентами **как об обстоятельстве, быющим по достоинству профессора**. В докладе физико-математического факультета ИКУ (1897 г.) читаем: «В результате оказалось, что на средства общественной и частной благотворительности получилась некоторая прибавка к штатному содержанию профессоров отпускаемому из сумм Государственного Казначейства, что совершенно *не совместно как с достоинством великого государства, так и со званием и личным достоинством профессора* [курсив здесь и далее мой – М.Г.]»⁴⁸. Профессор ИКУ И.М. Догель: «если необходимо улучшить материальное положение профессоров наших университетов, как в действительности требует ход самой жизни, и как это признаётся самим Министерством Народного Просвещения, то Государство найдет другой более подходящий для этого источник, *согласный с достоинством нашего обширного отечества*, чтоб обеспечить надлежащим образом содержание профессоров»⁴⁹. По словам профессора ИМУ В.И. Герье, гонорар «*противоречит нравственным инстинктам и студентов и профессоров* в России, не привыкших смотреть на университетское преподавание как на частную сделку или бенефис и рекламами и дивертисментом. Вместе с гонораром перейдут к нам дрязги, неизбежно связанные со всяким денежным расчетом»⁵⁰. Весьма категорично высказался профессор ИМУ С.Н. Трубецкой; по его мнению, гонорар – это «*недостойный бакишии*, подаренный отдельным профессорам за утраченную автономию их коллегии и внесший в стены университета погоню за наживой и спекуляцию преподаванием»⁵¹. Доказав на цифрах, что гонорар слабо в материальном отношении поддерживает приват-доцентуру, В.А. Мякотин заключал, что цели введения приват-доцентуры могли бы быть достигнуты «без помощи гонорара, другими средствами *более согласными с достоинством университета*»⁵².

Относительно того, какое влияние гонорар оказывал на взаимоотношения внутри преподавательского коллектива, многие современ-

---

⁴⁷ Мякотин 1897. [пагин. 2-я]. С. 84.

⁴⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 18.

⁴⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 21 об.

⁵⁰ Цит. по: Исторический обзор мер по высшему образованию... С. 155.

⁵¹ Трубецкой 1907. С. 18.

⁵² Мякотин 1897. [пагин. 2-я]. С. 85.

ники имели схожее представление. Они полагали, что новая система стала фактором, способным серьезно расстроить отношения между коллегами. Авторы доклада физико-математического факультета ИКУ (1897 г.) отмечали: «При проектируемой системе распределения гонорара преподаватель, вынужденный по каким-либо причинам увеличить число читаемых им лекций, не смотря на всю необходимость этого увеличения, естественно будет воздерживаться настаивать на этом, чтобы не чувствовать себя в неловком положении»⁵³. Профессор медицинского факультета ИКУ А.Я. Щербаков продолжал:

«Положим, кто-либо обращается с просьбой о прибавке часов, то в этом случае товарищам по факультету трудно отрешиться от той мысли, что обращающееся с такою просьбою лицо имеет между прочим в виду увеличения для себя гонорарного вознаграждения. Одна эта мысль нередко в состоянии заставить неправильно отнестись к педагогическим нуждам товарища. И единственно в виду этого многие молчат о своих нуждах или просят о прибавке часов неоплачиваемых гонораром. Таких часов на нашем факультете весьма много. Еще щекотливее вопрос об уменьшении часов преподавания, если он возбуждается не самим преподавателем данного предмета, чего никогда не случалось, а другим членом факультета. Чего доброго, это сочтется как бы посягательством на карман своего товарища»⁵⁴.

Харьковские профессора отмечали, что преподаватель «в исключительно редких случаях мог открыть курс, параллельный читаемому другим профессором-специалистом. Такой курс имел бы всегда характер посягательства на гонорар своего коллеги по факультету, а это обстоятельство могло бы иметь неприятные последствия личного характера и потому совершенно неудивительно, что конкуренции между профессорами система гонорара не возбудила». Гонорарная система, – заключала комиссия ИХУ, – «развивает не конкуренцию, а зависть между университетскими преподавателями, заставляет их иной раз искать дешевой популярности между студентами, имеет своим последствием понижение экзаменационных требований»⁵⁵. Схожая мысль звучала в докладе профессора ИНУ А.Н. Деревницкого в ходе работы Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.): «в среду профессоров гонорар внес чувства розни, взаимного отчуждения, зависти, недоброжелательности, а иногда и враждебности»⁵⁶.

Однако было бы несправедливо утверждать, что все без исключения современники высказывались о гонорарной системе сугубо негативно. Противоположного мнения относительно гонорара придерживался профессор юридического факультета ИКУ Я.С. Степанов. Он был

⁵³ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 18 об.

⁵⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 22 – 22 об.

⁵⁵ Доклад комиссии, избранной Советом... С. 17, 21.

⁵⁶ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию... С. 295.

убежден в том, что гонорар не может привести профессоров к предосудительным способам конкуренции⁵⁷. В защиту гонорара выступил и приват-доцент ИСПБУ Б.В. Никольский:

«Жалование, т.е. государственная поддержка ученым, всегда было, да и должно быть равномерно для всех специальностей, для всех дарований. Но дальнейшее улучшение благосостояния профессоров не может и не должно ложиться на государство, а всецело зависеть от общественных потребностей и гонорарного сбора, т.е. от наличного спроса на ту или другую отрасль знания и даровитости профессора. Самый посредственный лектор гражданского права или политической экономии полезней и нужней обществу, чем самый гениальный астроном, а гениальный астроном, чем астроном посредственный. Законы ренты и законы спроса и предложения – вот законы гонорарного неравенства»⁵⁸.

Оправдание идеи гонорара можно встретить и в проекте университетского устава, разработанном в 1888 г. профессором ИХУ Н.Я. Данилевским. По мнению профессора, гонорар способен обеспечить справедливую оценку затраченного труда и времени преподавателей:

«Было бы крайне несправедливо уравнивать гонорар двум преподавателям, из коих один имеет лишь 1 группу слушателей, а другой – несколько так-вых»⁵⁹. Со временем мнение Данилевского скорректировалось. В проекте, подготовленном в 1897 г., он высказался так: «Гонорар есть прерогатива лица и кафедры. Там, где дело не безлично, где в успехе его отражаются личные качества, там пропорциональность между личным успехом и вознаграждением является справедливою мерою. Она может служить побуждением к усиленному труду, к развитию знания и таланта, к большей успешности преподавателя». «Но университетская жизнь в последнее время показывает, что система гонорара не имеет почвы в нашем отечестве [...], что главная цель ее – преподавательское соревнование и конкуренция – едва ли вообще достижима в наших университетах [...]. Гонорар вызывает справедливое нареkanie вследствие крайне неравномерного распределения между преподавателями разных факультетов при одинаковой затрате труда и времени, при равенстве таланта и успешности преподавания. В виду этого было бы справедливее собирать добавочную плату студентов (сверх 50 р.) со всех университетов в одну общую сумму и выдавать из нее “добавочное жалование” преподавателям всех факультетов, пропорционально 1) числу лекций, 2) числу всех часов, затрачиваемых профессором на практические занятия, и 3) отчасти числу экзаменующихся [...]. Вместо такого непостоянного добавочного жалования было бы более желательно соответственное увеличение всего штатного содержания»⁶⁰.

В июле 1897 г. МНП обратилось к попечителям учебных округов с тем, чтобы они просили университеты высказаться по поводу гонор-

⁵⁷ Исторический обзор мер по высшему образованию 1893. С. 156.

⁵⁸ Никольский 1897. 15 (27) сентября.

⁵⁹ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 141. Л. 3.

⁶⁰ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 18 – 18 об.

рарной системы⁶¹. На медицинском факультете ИКУ после выступлений и прений деканом были предложены для голосования два вопроса: 1) «Желательно ли, согласно предложению господина Министра народного просвещения, ввести какие-либо изменения в гонорарной системе для равномерного распределения между преподавателями или вовсе не взимать гонорара со слушателей?». 19 профессоров против одного (экстраординарного профессора Н.А. Толмачева) высказали желание гонорара со слушателей не взимать. 2) «Если же получаемое ныне профессорами содержание, действительно недостаточное, Министерство находится справедливым увеличить, то желательно это увеличение отнести на счет других каких-либо источников, но не на взимаемую плату со слушателей в виде гонорара?». На этот вопрос члены факультетского совета ответили единогласно утвердительно, а преподаватели историко-филологического факультета ИКУ, перечислив все возможные варианты распределения гонорара, нашли их несправедливыми и предложили от системы вовсе отказаться⁶². Совет ИМУ в ноябре 1897 г. заявил «единогласное желание, чтобы вознаграждение профессоров за их преподавание было увеличено путем изменений штатов, а не путем получения ими гонорара, вносимого студентами». Все факультеты ИМУ высказались за «уничтожение гонорара в отношении обязательных курсов штатных профессоров», и за «сохранение гонорара в тех случаях, когда гонорар является добровольной платой за необязательно предлагаемый преподавательский труд»⁶³. Причем три факультета (историко-филологический, юридический и физико-математический) высказались за то, чтобы в случае сохранения гонорара, он распределялся бы между всеми преподавателями равномерно. Медицинский же высказался за то, чтобы, если гонорар сохранится, он распределялся бы в соответствии с существовавшими правилами⁶⁴.

Итак, совокупность публично озвучиваемых мнений и университетских администраций, и представителей преподавательского сообщества указывала на вполне однозначное желание университетов отказаться от гонорарной системы. Но, понимая, что иных источников пополнения преподавательских доходов у него нет, правительство откладывало это решение.

Гонорар был отменен законом «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов», утвержденным 3 июля 1916 г. и вступавшим в силу 1 января

---

⁶¹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 1 – 1 об. Выдержки из докладов факультетов ряда университетов уже приводились выше.

⁶² НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 23; Л. 7–8.

⁶³ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 9 об.

⁶⁴ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4362. Л. 29.

1917 г. Реакция на принятое решение нашла отражение в дневниках профессора ИМУ историка М.М. Богословского.

29 августа 1916 г.: «звонил по телефону А.Н. Филиппов⁶⁵. [...] Тон А.Н. Филиппова совсем минорный по поводу предстоящего уничтожения гонорара, прямо, говорит, жить нечем. Но, надо полагать, за многие годы, приносившие по 18000, кое-что при его скромной жизни да сбережено. 1 сентября 1916 г.: «По дороге в банк я встретил А.Н. Филиппова, продолжающего тосковать об отмене гонорара. [...] Нытье Филиппова меня порядочно увеселило, и я открыто выразил ему свою радость по поводу отмены гонорара, как меры справедливой и для филологов и провинциальных профессоров выгодной»⁶⁶. 13 декабря 1916 г.: «Савин обратил внимание факультета на поползновение юридического факультета взять себе библиотеку М.М. Ковалевского, отказанную им в завещании всему Университету. Решено оказать сопротивление, причем М.К. [Любавский] выяснил скрытые мотивы этого поползновения. Профессора юридического факультета, лишаясь с 1 января 1917 г. гонорара, хлопочут теперь об устройстве при своем факультете как можно большего количества учебно-вспомогательных институтов, чтобы занимать платные должности их директоров. Размещаются на мелкую монету»⁶⁷.

Как и следовало ожидать, в глазах профессора историко-филологического факультета М.М. Богословского в ситуации с отменой гонорара «антигероями» стали профессора-юристы. Показательно, что, давая в целом негативную оценку уходившему в декабре 1916 г. со своего поста министру народного просвещения П.Н. Игнатьеву, Богословский тем не менее замечал: «Но он провел отмену гонорара, и за это профессора-филологи помянут его с благодарностью»⁶⁸.

***

В отношении получаемых доходов университетские преподаватели на фоне всех рабочих и служащих Российской империи рубежа XIX–XX вв. должны быть отнесены к верхнему слою; в начале века состоятельным считался человек с годовым доходом в 1000 руб., а во всей 130-миллионной Российской империи таковых насчитывалось около 572 тыс. человек⁶⁹. Впрочем, сами профессора были склонны оценивать свое материальное положение как недостаточное и видеть в этом одну из причин бед в сфере образования⁷⁰. Учитывая то, что Уставом 1884 г. размеры профессорского содержания не были увели-

---

⁶⁵ Филиппов Александр Никитич (1853–1927), юрист, историк права. В 1901–1905 – ректор ИДУ. С 1903 – профессор, с 1910 – заслуженный профессор юридического факультета ИМУ.

⁶⁶ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 2011. С. 116–117.

⁶⁷ Там же. С. 141.

⁶⁸ Там же. С. 144.

⁶⁹ Миронов 2012. С. 601, 602.

⁷⁰ Подробнее о доходах и качестве жизни университетских преподавателей см.: Грибовский 2011. С. 76–80.

чены в сравнении со временем действия предыдущего Устава 1863 г., введенная гонорарная система мыслилась как инструмент повышения преподавательских доходов. Однако гонорар, в некоторой мере повысив благосостояние университетских преподавателей, вызвал к жизни сложное переплетенный комплекс проблем.

Недостатки гонорарной системы осознавались и властями. Отсюда – шедшее «сверху» предложение 1897 г. выработать мнения советов университетов о преобразовании системы. Показательно, что, например, попечитель Казанского учебного округа В.А. Попов, обращаясь к ректору курируемого университета К.В. Ворошилову так конкретизировал суть министерского запроса: «Крайне неравномерное распределение этой платы между преподавателями, несущими одинаковый труд, давно обращали внимание Министерства и неоднократно вызывали соображения о более равномерном распределении гонорара»⁷¹. К важнейшим, выделяемым современниками, недостаткам гонорарной системы следует также отнести: несоответствие отечественных реалий западноевропейским, откуда была заимствована идея гонорара; способствование подрыву авторитета профессора в глазах студента и расстройству отношений между преподавателями вследствие провоцирования зависти; несовместимость гонорара с достоинством профессора.

Университетские советы единодушно выступали за отмену гонорара с одновременным увеличением штатного оклада. Более того, эта тема неожиданно объединила разные политические группы, олицетворявшие идеологический раскол профессуры начала XX в. Если требование пересмотреть другие условия Устава 1884 г. было типично для либерального блока профессуры, то отмену гонорара в равной степени поддерживали и «правые». Так, в решениях совещания правой профессуры, состоявшегося 16–18 декабря 1910 г., говорилось: «Находя, что гонорарная система вносит в университетскую жизнь начало разлагающее и антигосударственное и ставит преподавателей в ложное положение материальной зависимости от своих слушателей, совещание признало неотложно настоятельным отмену этой системы»⁷².

Столь единодушно (за редким исключением) критикуемая, но сопровождавшая университетскую жизнь на протяжении почти всего заключительного этапа её дореволюционной истории, гонорарная система и дискуссии, разворачивавшиеся вокруг неё, наглядно иллюстрировали кризис, переживаемый российскими университетами на рубеже XIX–XX вв. Что касается самого нововведения в деле материального стимулирования труда университетских преподавателей, то более чем 30-летний опыт функционирования гонорарной системы

⁷¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 1.

⁷² ГАРФ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 1384. Л. 4.

показал неэффективность механического переноса на российские реалии германских университетских форм жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 42. Оп. 35. Д. 431.
 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 988. Оп. 1. Д. 1384.
 Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 141.
 Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 7784.
 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 150 (1888).
 Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962.
 Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 107–140.
 Грибовский М.В. Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Томского государственного университета. 2011. Август (№ 349). С. 76–80.
 Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122) URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3779> (время доступа 15.04.2017);
 Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета, для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. 31 с.
 Жебелев С.А. Alma mater // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 177–189.
 Известия ИТУ. Книга первая. Томск, 1889. [пагин. 1-я]. 122 с.
 Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов, 1893. 186 с.
 Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. 66 с.
 Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М., 2012. 848 с.
 Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 423 с.
 Мясотин В.А. К вопросу о профессорском гонораре // Русское богатство. 1897. Октябрь. [пагин. 2-я]. С. 75–90.
 Никольский Б. О призывании к гонорару // Новое время. 1897. 15 (27) сентября.
 Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. Т. 1. С. 89–101.
 Отчет о состоянии ИТУ за 1895 год. Томск, 1896. 124 с.
 Отчет о состоянии ИТУ за 1896 год. Томск, 1897. 151 с.
 Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017. Т. 1. 429 с.
 Трубецкой С.Н. Ответ «Профессору университета» // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 14–20.
 Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. 491 с.

REFERENCES

- Vinogradov P.G. Uchebnoe delo v nashikh universitetakh // Rossiia na rasput'e. Istoriko-publitsisticheskie stat'i. M., 2008. S. 107–140.
 Gribovskij M.V. Material'nyj dostatok professorov i prepodavatelej universitetov Rossii v konce XIX – nachale XX vekov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. Avgust (№ 349). S. 76–80.
 Dmitriev A.N. Statusy znaniia (o sotsial'nykh markerakh evoliutsii rossiiskogo universiteta pervoi treti XX veka) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 4 (122).

- Doklad komissii, izbrannoi Sovetom Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta, dlia ob-suzhdeniia voprosa o sisteme voznagrazhdeniia prepodavatelei universiteta, osnovannoi na vzimanii so studentov i slushatelei osoboi platy za slushanie leksii i rukovodstvo ikh zani-atiiami. Khar'kov, [1897]. 31 s.
- Zhebelev S.A. Alma mater // Leningradskii universitet v vospominaniiah sovremennikov. T. 1. L., 1963. S. 177–189.
- Izvestiya ITU. Kniga pervaya. Tomsk, 1889. [pagin. 1-ja]. 122 s.
- Istoricheskii obzor mer po vysshemu obrazovaniiu v Rossii. Vyp. 1. Akademiia nauk i univer-sity. Saratov, 1893. 186 s.
- Kulakovskii Iu.A. Gonorar v russkikh universitetakh. Kiev, 1897. 66 s.
- Mironov B.N. Blagosostoyanie naseleniia i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII – nachalo HKH veka. 2-e izd., ispr., dop. M., 2012. 848 s.
- Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii. Dnevnik. 1913–1919: Iz sobraniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia. M., 2011. 423 s.
- Miakotin V.A. K voprosu o professorskom gonorare // Russkoe bogatstvo. 1897. Oktiabr'. [pagin. 2-ia]. S. 75–90.
- Nikol'skii B. O prizvanii k gonoraru // Novoe vremia. 1897. 15 (27) sentiabria.
- Novikov M.V., Perfilova T.B. Universitetskii ustav 1884 g.: illiuziia akademicheskoi svobody (Chast' II) // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2015. № 1. T. I. S. 89–101;
- Otchet o sostoianii ITU za 1895 god. Tomsk, 1896. 124 s.
- Otchet o sostoianii ITU za 1896 god. Tomsk, 1897. 151 s.
- Rostovtsev E.A. Sankt-Peterburgskii universitet v kontekste sotsial'no-politicheskoi istorii Rossii (1884–1917). Diss. ... dokt. ist. nauk. SPb, 2017. T. 1. 429 s.
- Trubetskoi S.N. Otvet «Professoru universiteta» // Sobranie sochinenii kn. Sergeia Niko-laevicha Trubetskogo. T. 1. M., 1907. S. 14–20.
- Trudy Vysochaishe utverzhdennoi komissii po preobrazovaniiu vysshikh uchebnykh zavedenii. Vyp. 4. SPb, 1903. 491 s.

Грибовский Михаил Викторович, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, доцент кафедры современной отечественной истории, mgrib@mail2000.ru

Professorial honorarium as a mirror of the “university issue” in the late 19th – early 20th c.

The article is devoted to a phenomenon of honorarium, received for the job by professors of Russian universities in the late 19th – early 20th c. The honorarium is considered as an element of university life, which reflected such components of the university issue as the material prosperity of professors, the relationship between lecturers and students, the relationships within the teaching staff, the issues of university corporate ethics. Data on the amount of the honorarium are given; its effect on various aspects of university life is uncovered; review of the opinions of professors, officials from education, contemporaries about the advantages and disadvantages of the fee system is implemented. The author comes to the conclusion that the honorary system and discussions that unfolded around it demonstrated the crisis experienced by Russian universities at the turn of the 19th – 20th cc.

Keywords: honorary system, university, professors, privatdozent, "university issue", material prosperity

Mikhail Gribovskiy, PhD in History, National Research Tomsk State University, Associate Professor at the Department of Modern Russian History, mgrib@mail2000.ru